

Л. В. Куркина

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ СЛОВ*

Рус. *стребать*

Вост.-слав. территорией ограничено распространение слов с корнем *стриб-*: ср. рус. диал. *стрибать*, *стрибнуть* 'вскочить, прыгнуть' (ср. карел. *А тут лягушка как стрибнёт ..*), производн. дон. *стрибалка* 'веревка для скаканья, скакалка', 'игра в скакалку', 'о легкомысленной девушке, любящей погулять', *стрибочка* 'кусочек' (ср. карел. *Нарежешь гриб стрибоцьками такими ...*) (СРНГ 41, 338; Сл. Карелии 6, 363), а также укр. *стрибати* 'скакать, подскакивать. прыгать' и *стрибнути* 'прыгать, скакать' с производн. *стрибкий* 'любящий скакать, прыгать', *стрибун* 'прыгун' (Гринченко ЕСУМ), блр. *стрыбаць* 'скакать', *стрыбуляць* 'идти подпрыгивая, спотыкаясь', *стрыбля* 'стрекоза' (ЭСБМ 12, 336), диал. *стрыбалкі* экспр. 'тонкие ноги'¹.

Эти слова, отнесенные к разряду «темных, неясных» (Фасмер III, 777), не привлекали к себе должного внимания этимологов, вероятно, потому, что крайне ограничены возможности поисков. Немногие опыты изучения приведенных слов сводятся к сближению восстанавливаемого для праславянского языка диалектного гл. **sribati* с лит. *sribuliuoti* 'прыгать, скакать', без анлаута *s-tribuliuoti* 'дергать, теревить; махать, размахивать; топочь, мять; топать, стучать ногами' (Fraenkel 921, 1121; ЕСУМ 5, 439), которые в фонетическом и словообразовательном плане Лаучюте соотносит с лит. *stripuliuoti*, *strāpaliuoti* 'подпрыгивать, подскакивать' и считает их источником блр. *стрыбуляць*². А наличие междометия *стриб!* послужило основанием для отнесения вост.-слав. диалектизма к образованиям звукоподражательного характера (ЭСБМ 12, 336). Вслед за Ильинским³ в ЕСУМ (5, 439) в порядке гипотезы предлагается сближение с англ. *strive*, нем. *streben* 'стремиться', и, как мы попытаемся показать ниже, эта

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 "Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ".

версия имеет некоторые перспективы.

Возможности продвижения вглубь крайне ограничены. Во многих отношениях способствует продвижению вглубь, восстановлению связей не только знание механизма, определяющего структуру славянского слова, а также лексический материал, предоставляемый новыми диалектными источниками. Причина, побудившая нас вновь обратиться к этой лексической группе⁴, кроется в обнаружении новых фактов, появление которых стало возможным с выходом в свет в недавнее время последних выпусков СРНГ. И хотя нельзя сказать, что новый лексический материал до конца вносит полную ясность в понимание генетических истоков вост.-слав. **stribati*, все же в какой-то степени он раздвигает рамки исследования и позволяет, хотя бы в предположительной форме, несколько расширить характеристику генетических связей приведенных слов.

По материалам СРНГ в русских диалектах в том же значении, что и *стрибать*, т. е. в значении ‘прыгать, скакать’, функционируют глаголы с корневым вокализмом *e*: ср. *стребать*, *стребнуть* ‘бегать’ (курск.), ‘прыгать, скакать, перескакивать’ (южн., зап., кубан.), *стребать во что-л.*: *Стребай в воду* (кубан.), ‘подпрыгивать’ (курск., орл.), ‘сильно, резко ударить (о молнии)’ (новосиб.), *стребеньять* ‘быстро бегать’ (курск., орл.), ‘бегая, прыгать, резвиться’ (курск.), *стребонуть* ‘убежать от кого-л.’, *стребуняй* ‘о резвом ребенке’ (курск.), *стребунять* ‘бегать, скакать’ (курск.), ‘быстро идти’, ‘быстро делать что-л.’ (вост.-казах.), *стребынять* ‘бегать’ (обл.). По своей семантике из однородного ряда с устойчивым значением ‘прыгать, скакать’ выпадают именные образования с корневым вокализмом *-e-* и *-o-*: новг. *стрёбушка* и *стрёбушка* ‘приспособление для сбивания масла — маслобойка’, орл. *стребцы*: *быть в стребцах* ‘быть в безвыходном положении’ (ср. *Был в стребцах, был переделке, был прижат, был в безвыходном положении*) (СРНГ 41, 300). Нельзя пройти мимо еще одного образования — *строб* ‘веревочное кольцо, которым гребное весло крепится к колышку в борту лодки’ (Азов, терск.) (СРНГ 42, 10). На ограниченной русской территории отмечен глагол с несколько другой семантикой и корневым вокализмом *-a-* *страбить* ‘изломать что-л.’ (новг.), ‘испортить кого-л. нравственно, духовно’ (новг.) (СРНГ 41, 269).

Для понимания того первоначального действия, которое стоит за этими глаголами, существенны показания семантики именно этих образований. Если связь гл. *стребать* и *стрибать* не вы-

зывает сомнения, то принадлежность к этому ряду морфонологических отношений гл. *страбить* и сущ. *строб* требует дополнительного обоснования.

Известно, что производные образования сохраняют более архаичное состояние семантики по сравнению со словами, ставшими для них производящей базой⁵. Отклонение от основного значения **sribati* 'прыгать, скакать' можно объяснить особенностями употребления глагола. В некоторых ситуациях достижение цели требовало особых усилий, особого напряжения или было возможным при использовании каких-то дополнительных приемов, облегчающих осуществление основного действия. То, что сопутствует основному действию, могло оказать влияние на развитие дополнительных оттенков в семантике **sribati*. Дополнительный компонент выдвигается на первый план, начинает доминировать, становится определяющим для семантики, что способствует переосмыслению и развитию экспрессивной окраски, с усилением которой, как можно предполагать, произошло угасание связей с исходным денотатом, нарушение морфонологических отношений и семантическое обособление глаголов.

Можно думать, что именно дополнительный компонент, образно передающий характер действия, стал определяющим для обозначения далеко отстоящих друг от друга понятий — маслобойки и безвыходного положения. Обозначение маслобойки могло быть мотивировано быстрым, прыгающим, скачкообразным движением, сопутствующим действию по сбиванию масла. Аналогией к значению 'быть в безвыходном положении' косвенно может служить рус. *заскок* 'крайняя странность в поведении или рассуждении'. Вероятно, скачкообразное движение стало основой для употребления *строб* в качестве обозначения веревочного кольца, которое крепится на лодке, возможно, путем набрасывания и которое, возможно, легко соскакивает, ср. *захлыстнуть* 'завязать, затянуть (веревку)' (Волхов и Ильмень) (СРНГ 11, 153). Вероятно, семантикой быстрого движения мотивировано употребление гл. *страбить* в значении 'изломать что-л.', 'испортить кого-л. нравственно'.

Как будто бы отсутствуют препятствия для сближения приведенных вост.-слав. лексем на основе морфонологических отношений: **strob-* : **strab-* и **srib-*, истоки которых на более глубоком уровне остаются не совсем ясными.

В русском языке возобладали образования с исходной основой **storb-*: *устробити*, *устрабляти* црк. 'врачевать, исцелять,

лечить', *устроба*, действие по глаголу < **storb-* (Фасмер III,).

Заметим, что за пределами вост.-слав. ареала заслуживает внимания чеш. *strobačiti se* 'sich sträuben, сопротивляться, упрямиться' (Kott VII, 798: U Příbora. Тč.), *nastrabočiti* 'направить, протянуть' (Kott VI, 1120: Us. na Mor. Šd.), этимологические истоки которых крайне затемнены. Можно с некоторой долей вероятности соотнести их с чеш. *kostrba* 'лохматый человек', словац. *kostruba* 'взлохмаченные волосы', 'костра, кострика' и т.п., для которых Махек предполагает сложение с преф. **ko-strъbъ* и корневой частью, родственной нем. *struppig* 'взъершенный, лохматый' (Machek² 281), а в ЭССЯ (11, 163) чешские лексемы соотносятся с рус. диал. *костромá* 'чучело, которое носят с шутивными обрядами, празднующая проводы зимы и встречу лета' и особенно блр. диал. *кастрамá* 'костра, кострика', *коштрóба* 'лохматый человек' и определяются как производные от **kostra* с суф. *-oma*. Вопрос остается открытым.

По этим немногочисленным фактам трудно в полной мере судить об исходной и.-е. основе и исходной семантической базе. В индоевропейское окружение предположительно включаются нем. *streben*, англ. *strive* 'стараться, прилагать усилия; стремиться', 'бороться', лит. *tribuliúoti* 'дергать, теревить, мять'. Из материалов, приведенных в словаре Клуге (Kluge¹⁵ 772), следует, что ср.-в.-нем. *strēben* 'торчать, поднимать, воздвигать; вытягиваться; поворачивать', ср.-н.-нем. *strēven* 'steif, streif, straffen, sich strecken' связаны чередованием со ср.-в.-нем. *striben*. Через заимствование в др.-фриз. *estriver* 'бороться', откуда англороман. *striver*, англ. *strive*, выводится значение 'kämpfen'. Можно думать, что в данном случае мы имеем дело с сохранившимися в виде осколков и.-е. основы **strebh-* (Pokorny 1026) с *s*-анлаутом, сложившейся на базе второй основы **terb-*.

При формальном сходстве расхождения в семантике можно объяснить индивидуальным развитием языков разных и.-е. групп. Словари отражают конечный результат эволюции лексико-семантических процессов. В разных языковых группах и на разном хронологическом уровне они включаются в новые ряды синонимических и мотивационных отношений, что не может не привести к разрыву связей, к удалению от исходной основы и исходной семантики. Фрагменты распавшегося этимологического словаря живут своей самостоятельной жизнью. В каждой из языковых групп произошли глубокие изменения в семантике соотносимых слов, что, естественно, крайне затрудняет восстановление исход-

ной ситуации. По тем немногим разрозненным свидетельствам, которые дошли до нас в сильно преобразованном виде, можно лишь высказать предположение о том, что исходной базой семантического развития было движение, нацеленное на преодоление, сопротивление, движение, сопровождавшееся резким скачком вверх-вниз. В вост.-слав. языковой области происходит усиление основной характеристики этого движения, и на этой основе развиваются конкретные значения 'прыгать, скакать', а в германских языках наблюдается переход к более общим значениям 'стремиться', 'бороться', 'возвышаться' < 'прыгать, скакать'.

Слав. **pyska* / **pъsk-*

С ослаблением генетических связей, угасанием мотивационных отношений, связывающих морфонологические варианты, и вследствие этого образованием отдельных лексических групп со своей семантикой и своим развитием семантических отношений происходит распад этимологического гнезда. И только на основе некоторых общих закономерностей, действующих в славянских языках, поддаются восстановлению связи между лексемами, весьма далеко отстоящими друг от друга.

Одним из продолжений этимологического гнезда, рано распавшегося на отдельные фрагменты, разобщенные, утратившие связь друг с другом, является праслав. **pyskъ*, широко известное в значении 'морда, утолщение': ср. рус. диал. *пысок*, *пыск* 'рыло, морда' (Даль³ III, 1438), укр. *пысок* 'морда, пасть рот, горло', блр. *пыск* 'челюсть с щекой', *пыса* 'морда', чеш. *pysk*, луж. *pysk* (Miklosich 268; ЕСУМ 4, 377), словен. *piski* m.pl. 'Mutterlefszen, alae matricis' (Bezljaj III, 41: из Похлина). Семантическое развитие в направлении 'морда' > 'рыть' и 'разбрасывать, раскидывать' находит отражение в отыменных глаголах: ср. рус. диал. *пыскать*, *пысконить*, *пысканить* 'рыть, разрывать, раскидывать, бросать, разметывать, тратить попусту' (Даль³ III, 1438), арх. *пысконить* 'разбрасывать сено или солому' (Подвысоцкий 144), карел. *пыскать* 'ронять, позволять падать' (Сл. Карелии 5, 370), волог. 'тратить, расходовать что-л. попусту', север. *пысконить* также 'портить, приводить в негодность', яросл. 'брезговать, гнушаться чем-л.', 'есть что-л. нехотя, без желанья' (СРНГ 33, 200). В таком семантическом контексте может получить объяснение отнесенное Фасмером к разряду «темных» (Фасмер III, 421) ст.-рус. *пысканити* 'насмехаться' (т. е. строить гримасы) (СлРЯ XI-XVII

вв. 21. 82), а также цслав. **ПЫСКОВАТИ**, **-КОУЖ** с *sensus dubius*: **ΔΕΛΦΙΝΉ** **ΔΚΟΥΕΤΉ** ἀναπερπόμενος (Mikl. LP).

Не вызывает сомнения принадлежность праслав. **pyskь* < **pŭsk-*, имеющего точным соответствием лит. *pūškas* ‘прищик’, *pūškioti* ‘тяжело дышать’, к гнезду и.-е. **peu-s-* / **pu-s-* ‘пухнуть, раздуться’, ср. *пухнуть* Fraenkel 680), т. е. обозначение морды мотивировано признаком ‘утолщение, вздутие’. Это исходное значение не утрачено, оно находит отражение в ср.-рус. *пыскь* ‘вздутие’ (СлРЯ XI–XVII вв. 21. 82: Мак. Каляз., 26. XVII в. ~ XVI в.). Вариант той же исходной основы с другим расширителем в рус. *пыж* ‘бесплодное, невсхожее семя растения без зародыша, чаще встречается в конопле’, ‘гнилой орех; пустышка’, вост., сев. ‘конопляная мякина’ (Даль³ III, 1435). Есть основание думать, что в несколько преобразованном виде исходное значение ‘что-то большое раздувшееся’ > ‘то, что раздалось вширь, нечто бесформенное’ присутствует в семантике рус. яросл. *пыск* ‘легкий налет на углях, золе’ (СРНГ 33, 200), производн. твер. *пысняк* ‘поросль молодых деревьев, кустарников на лесном пожарище’. В качестве семантической аналогии можно привести рус. диал. *пыш* ‘гречишная и конопляная мякина’ (казан., сарат.) < *пышь*, ср. *пыхатъ*, *пых* (Фасмер III, 422).

Исходная основа **pysk-* расширяется суф. *-ja*: смол. *пыща*, *пыщй* мн. (ср. Мнут, треплют конопель, получатся пыщи), *пыщэй*, тамб. *пыщий*, *ая*, *ее*: *пыщее зерно* ‘зерно не полной зрелости’, волог. ряз. *пыщия* ‘просяная мякина’, влад. *пыщъ* ‘верхняя часть стебля гречихи с зерном неполной зрелости’ (СРНГ 33, 207), *пыща* смол., *пыщэй* пск. ‘пыж, пыжина, конопляная мякина’ (Даль³ III, 1440), а также волог. *пыщиться* ‘капризничать’, с.-хорв. *pišiv* ‘червивый’ (Skok II, 665), цслав. **НАПЫШТИТИ** сж *inflari* (Mikl. LP).

Традиционно в слав. **pysk-* < **pŭ-sk* видят изолированное образование, стоящее вне морфонологических отношений в славянском словаре. Как нам представляется, далеко не полностью выявлены генетические связи исходной основы. Лексический материал отдельных славянских языков подводит к выделению группы родственных образований с корневым вокализмом в степени редукции: ср. болг. *пѣска*, *пѣшка* ‘веточка, гроздь винограда’, ‘косточка (черешни)’, ‘семечко (тыквы, подсолнуха, персика)’, ‘огрызки от плода’, ‘созревшая коробочка хлопчатника’ (БЕР 6, 126–128). В БЕР это образование ставится в один ряд с с.-хорв. *páшка* ‘косточка’, словен. *peškà* ‘косточка плода’, рус. *почка*, чеш. *pecka* ‘косточка, семя’, польск. *pestka*, *pecka*, в.-луж. *rócka* то же,

что представляется не совсем верным. Для них наиболее вероятно родство с лит. *paĩtas* ‘testiculus’, лтш. *pàuts* то же, *putrà* ‘комоч, кусок’, лтш. *pàuts* то же, лит. *pūškas* ‘волдырь, прыщ’ < и.-е. **pu-t* (Фасмер III, 420; Machek² 440; Skok III, 618). Представляется, что в БЕР в одно гнездо объединены образования с разными этимологическими истоками — продолжения праслав. **pysk* / **pъsk*- и **pъtj*-. Сближение произошло на почве внешнего формального и семантического сходства.

Поиски славянских соответствий с ориентиром на структуру и семантику болгарских лексем подводят к группе образований, в должной степени не привлекавших к себе внимания. Отнесены к категории «темных» слов словен. *peski* мн. ‘молодые побеги чеснока’, *pasek* ‘пупок (у животного) (Бела Краина), *pəsək* ‘сердцевина луковицы’ (Bezljaj III, 28), чеш. *pesk* = *pysk*, *pesky dělati* ‘строить гримасы, насмеяться’ (Kott VII Dod. 1, 225) с производным от него гл. *peskovati* ‘бранить, ругать, задать головоломку’ (Kott II, 539; Machek² 503). Вероятно, в этом случае речь идет о той же исходной основе **pu-*, расширенной *-sk*. Развитие слабого призвука между согласными приводит к появлению словенской формы *pəsək* с последующим переосмыслением *k* как суффикса и вследствие этого появлением форм типа блр. *пысы* ‘невымоленные колосья’ и *пысікі* ‘ости’, для которых, попутно заметим, по чисто фонетическим причинам едва ли возможно сравнение с лит. *paisai* ‘ости’ (ЭСБМ 10, 277), последнее, вероятно, принадлежит к гнезду лит. *paisyti* ‘лущить, обдирать (зерно)’ (Fraenkel 526).

С привлечением диалектного материала оказывается возможным восстановить на славянской почве одно из направлений в реализации и.-е. основы **pu-* со своими структурными и семантическими отношениями.

Рус. диал. *устина*

В русских говорах на территории Карелии отмечено слово *устина* в значении ‘льняной материал хорошей выработки’ (ср. *Устина — дак то из ядрышка льна; Тонкий лен так на устину*) и производное от него *устиной* ‘сделанный из льняной ткани, устины’ (Сл. Карелии 6, 643). Эти лексемы отсутствуют в словаре Даля и других диалектных словарях. Между тем русский диалектизм представляет несомненный интерес, поскольку он продолжает древний и.-е. корень **ud-*, сохранившийся в реликтовых образованиях праславянского языка. К их числу относят

рус. диал. *ушло*, которое приведено Далем со знаком вопроса в значении ‘начатая, затканная ткань на стану’ с одним примером, иллюстрирующим употребление слова: *Сколь велико ушло?*, т. е. много ли наткала? (Даль² IV, 512). В специальном исследовании, посвященном рус. *ушло*, Р. Эккерт, прослеживая историю изучения этого слова, называет работы Потевни, Миклошича, Горяева, Фасмера и отмечает, что А. А. Потевня был одним из первых, кто сопоставил русский диалектизм с лит. *áusti* (6), а Горяев был первым, кто зафиксировал *ушло* в этимологическом словаре и предположил исходную форму **уд-сл-о* (Горяев 388). Такое толкование с расширением круга и.-е. соответствий (лтш. *aūst*, *aūžu* ‘ткать’, арм. *z-audem* ‘связываю’, др.-инд. *ḍtum* ‘ткать’) принято в словаре Фасмера (Фасмер IV, 171) и вошло в этимологические словари (Fraenkel 26). Р. Эккерт приводит убедительные аргументы в пользу реконструкции для рус. *ушло* исходной формы **оуэд-тло* и допускает возможность отнесения к числу реликтовых образований с тем же корнем болг. *було* < **об-у-дло* (< **об-оуэд-ло* ‘покрывало’, т. е. ‘то, что наткали’⁷). На глубинном уровне восстанавливается генетическое единство и.-е. *uedh-* : *au-dh-* ‘завязывать, связывать’ и **uedh-* ‘толкать, бить, раскалывать’ (ср. др.-инд. *vadhati* ‘бьет, толкает, уничтожает’, др.-прус. *wedigo* ‘топор’ и т. д.)⁸.

На русской территории имеет место параллельная деривация — образование с суф. *-ть* от основы глагола, утраченного в славянских языках, но сохранившегося в лит. *áusti*, *áudžiu*. Редкий лексический диалектизм пополняет список образований, имеющих структуру отглагольных производных с суф. *-ть*. Модель отглагольных образований на *-ть* относится к числу продуктивных (ср. *снаць* < **snad-ть*, словен. *klast* < **klad-ть* и т. п. (Sławski. Zarys — Sł. prast. 2, 43 и след.).

Рус. *велеть*

В архангельских говорах отмечены *велеть*, *велетина* в значении ‘стебель травы, трава’, *велетинка* ‘соломинка’ (Арх. сл. 3, 95). Эти слова следует отделять от близких по форме *велетина* = *вельтина* ‘засыхающее на корню хвойное дерево’, которые признаются заимствованием из фин.-угор. языков [СГРС II, 49, 51].

Не вызывает сомнения принадлежность русских диалектизмов к гнезду праслав. **volť* с основным значением ‘стебель травянистых растений’: ср. рус. диал. *во́лоть* ‘стебель травянистых растений (ржи, льна, гороха и т. д.) вместе с плодом (колосом,

стручками и т.п.)', 'нить, волокно', 'верхняя часть снопа с колосьями', 'нижняя часть веника с листьями', 'охапка (сена)', волог. *вóлота* 'картофельная ботва' (СРНГ 5, 64–66), ст.-чеш. *vlat* 'колос', чеш. (*v*)*lat* 'метелка', польск. *włóc prosiana* 'растение золотарник' и т. д.), в литературе к этому же гнезду причисляют рус. арх., волог. *вóлодь*, *волóдка* 'стебель растения' (СГРС II, 152; Арх. сл. 5) < **vol-dь* и слав. **volsъ* (ср. рус. волог. *вóлос* 'отходы после трепания льна' — СГРС II, 156).

Эти слова, имеющие в качестве соответствия лит. *váltis* 'колос овса, метелка', прус. *wolti* 'колос' и далее с др.-ирл. *folt* 'волос', греч. *λάσιος* 'заросший волосами и шерстью' (< *vltios*), нем. *Wald* 'лес' (ср. Trautmann 341; Фасмер I, 344–345; Machek² 694; Bezlaž II, 127; БЕР 1, 162), Ф. Славский относит к образованиям балто-слав. эпохи, продолжающим производное с суф. *-tь* — **ual-ti* от и.-е. основы **uel-* 'волокно; колос': 'рвать, драť' или **uel-* 'скручивать, крутить' (Sławski. Zarys — Sł. prasz. 2, 45), ср. лат. *vellere* 'дергать, вырывать', гот. *wilwan* 'rauben' и т. д. (Pokorny I, 144).

И.-е. **uel-*, ставшее исходной базой для большого разветвленного этимологического гнезда, на почве балтийских и славянских языков включается в тип морфонологических отношений, регулируемых чередованием гласных *e* : *o* и связывающих именные образования и участвующий в их образовании гл. **velti*, не засвидетельствованный в славянских языках, но сохранившийся в лит. *vélti* 'валять, мять, бить; чесать (шерсть)', 'путать, связывать (волосы, нитки)' и т.п. (Fraenkel 1221, 1192–1193). Это позволяет рассматривать слав. **volťь* и точное литовское соответствие *valts* как производные с суф. *-tь* и регулярным чередованием гласных *e* : *o* от гл. ***velti* 'драť, рвать'.

Некоторые данные позволяют предположить, что наряду с отглагольным образованием регулярного типа в праславянских диалектах параллельно функционировали отглагольные образования с корневым вокализмом *e*. На основе этимологического анализа к продолжениям исходного утраченного глагола могут быть отнесены сохранившиеся в отдельных славянских языках образования с корневым вокализмом *-e-* — рус. арх. *велѣть*, *велѣтина* 'стебель травы, трава', *велѣтинка* 'соломинка' (Арх. сл. 3, 95), а также отмеченное с тем же вокализмом в словенских диалектах *velna: na velno sejati* 'первый раз сеять на раскорчеванном месте', *velno žgati*, которое обнаруживает соответствие в литературном *veléna* 'дёрн, дернина, вырезанный кусок земли', *velénÿné* 'дернина', *velénuoti* 'покрывать дёрном', лтш. *veļēna* 'дёрн' [Fraenkel

1218, 1219], истоки которых также в гнезде и.-е. **цel-* ‘драть; ломать; царапать; ранить’.

На основе утраченного глагола с чередованием *e* : *o* и разными расширителями возникают образования, затемнению связей которых способствовали формальные различия. Мотивация исходной семантикой ‘драть, рвать’ прослеживается у продолжений слав. **volsъ*: ср. волог. *волос* ‘отходы после трепания льна’ (СГРС II, 156), ‘болезнь костей’ (Селигер I, 119–120). Исходная семантика проступает в рус. диал. *волóдка* ‘одна из нескольких луковиц, выросших на одном корню’, ‘одна из долек луковицы’, *волóтка* (Новг. сл. 1984, 30), т. е. луковиц, долек, выдирающихся из общего плода.

Рус. диал. *ухвоить*

В ЭССЯ (8, 126) О. Н. Трубачев склоняется к тому, чтобы включить рус. диал. *хвоя* в значении ‘отходы при очистке ржи способом провеивания’ (Соликам. словарь 662) в число продолжений праслав. **xvoja*, хотя при этом отмечает, что русский диалектизм в указанном значении может вызывать сомнения, поскольку в плане семантики выпадает из ряда остальных продолжений праславянского слова. Предполагается, что первый признак хвои — иглообразность, колкость — мог быть перенесен на сухие, колючие ветки вообще, хворост и т.п. Богатый лексическим материалом «Словарь русских говоров Карелии» содержит новые данные, позволяющие несколько по-иному подойти к объяснению мотивационных отношений. Большая вероятность того, что в данном случае мы имеем дело с омонимами, сложившимися на базе разных исходных основ. Если для слав. **xvoja* можно считать вполне достоверным родство с лит. *skujá* ‘хвоя’, то в случае рус. *хвоя* в значении ‘отходы’ вполне возможно другое происхождение — родство с гл. **xvějati*, семантику которого определяет значение ‘качаться, колебаться; трясти’ (ср. чеш. *chvěti* ‘качать, раскачивать, трясти’, в.-луж. *chwejeć* ‘шевелить, колебать’, ‘дуть’, укр. *хвіятися* ‘колебаться, качаться’, блр. *хвёіццца* ‘колебаться, сомневаться, приступать к чему-л. нерешительно’ и т.п.). К производным образованиям от этого глагола относится волог., ворон. *подхвія* ‘ремень у седла — подхвостник’, ‘ветренная женщина’ (СРНГ 28, 236). Этимология гл. **xvějati* остается неясной. Из всех известных опытов этимологического истолкования слова (см. обзор в: ЭССЯ 8, 124–125; Sławski I, 92) наиболее вероят-

ным представляется сближение с лит. *svajóti* ‘мечтать, фантазировать, грезить’, др.-в.-нем. *sweifan* ‘колебаться, качаться’ < и.-е. **swē(i)-* ‘гнуть, вертеть, качать’ (Pokorny 1041) при условии *sv- > xv-*. Допустимо предположение об исходной корневой морфеме **swē-*, расширенной суф. *ja-*, или **s(e)wei-* с последующим расщеплением на славянской почве дифтонга и выделением конечного элемента дифтонга и переосмыслением его как суф. *ja-*.

На базе исходной основы **swē-* складывается имя с корневым *-o-* в рус. моск. *захвой* ‘хвостун’ (СРНГ 11, 146) и производный от него глагол **xvojiti*, засвидетельствованный в укр. *хвоїти* ‘махать, бить’ (Фасмер IV, 230). В русских говорах Карелии отмечен гл. *ухвóить* с семантикой, производной от этого основного значения ‘махать’ > ‘потерять’, ‘убить’, ‘лишить сил, здоровья’, ‘съесть’, ‘испачкать’ (ср. Все хвосты *ухвоены*), и производное от него прич. *ухвóенный* ‘расстроенный, потерянный’ (ср. онеж. Да, Наташушка, окрутила ты парня совсем, *ухвоенный* ходит) (Сл. Карелии 6, 662). Исходный признак ‘качать, колебать’ стал базой для обозначения широкого круга явлений — обозначения порчи, расстроенного, пошатнувшегося здоровья, душевного расстройства и процесса очистки зерна способом провеивания, при котором зерно продувается, перелопачивается, приходит в движение.

Примечания

¹ Прышчэпчык А. М. Лексіка свержаньскай гаворкі // 3 народнаго слоўніка. Мінск, 1975, 82.

² Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982, 132–133.

³ Ильинский Г. А. Славянские этимологии. IX. Млр. *стрибати* ‘скакать, прыгать’ // Изв. ОРЯС, т. XXIII, кн. 1. СПб., 1918, 143–144.

⁴ Куркина Л. В. Славянские этимологии // Этимология 1986–1987. М., 1989, 74.

⁵ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 249.

⁶ Потемня А. А. Этимологические заметки // РФВ, т. I, 1879, № 1, 88. РФВ 1, 88.

⁷ Эккерт Р. Возможные отражения древнего корня *oūd-* (лит. *áusti* ‘ткать’) в праславянском языке // Этимология 1970. М., 1972, 46–54.

⁸ Трубачев О. Н. Славянские этимологии 41–47 (Болг. *бу́ло* ‘покрывало невесты, фата’) // Этимология. 1964. Принципы реконструкции и методика исследования. М., 1965.